РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
243

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 243 2016

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская, д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович, к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции), чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина, д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 243 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 260 с., ил.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9908826-3-8

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

На задней стороне обложки –
фото уздечной бляхи из кургана Аржан-5
(к статье И. В. Рукавишниковой и А. А. Гладченкова)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-9908826-3-8

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2016
© Авторы, 2016
© Издательский Дом ЯСК, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ КАМНЯ К ЖЕЛЕЗУ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Сергин В. Я. Некоторые детали устройства жилища Костенок 2 7
Федорченко А. Ю. Экспериментально-трасологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка) 16
Хомякова О. А. Вопросы социальной интерпретации погребений с «самбийскими» поясами римского времени из ареала культуры Доллькайм–Коврово 33
Рукавишникова И. В., Гладченков А. А. Исследования Аржана-5 в Турано-Уюкской котловине 50
Гуляев В. И. Мотив медведя в «жертвенной позе» (в фас) в скифо-сибирском зверином стиле 60
Супренков А. А., Столяренко П. Г. Античные сельские поселения на востоке Керчи (по результатам разведочных работ 2014 г.) 66

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Олейников О. М. Исследования в северо-западной части Неревского конца средневекового Новгорода в 2011 г. (раскоп Конюшенный-1) 77
Панова Т. Д. Раскопки в Тайницком саду Кремля и история археологического изучения территории Подола Боровицкого холма Москвы в XIX–XX вв.. 92
Кренке Н. А., Глазунова О. Н., Ершов И. Н., Олейников О. М. Стратиграфический раскоп на Подоле Московского Кремля 107
Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты комплексных исследований Мангупского городища и его округи в 2015 г. 127
Вергазов Р. Р. Персидский парадиз в Пасаргадах. Об особенностях садово-паркового искусства ахеменидского Ирана 148
Осипов Д. О. Новая атрибуция археологической находки из коллекции ГИМ 158

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Древнейшие артефакты из метеоритного железа: мифы и реальность 163
Гак Е. И., Клещенко А. А. Металл северокавказской культуры Закубанья (химико-технологическая оценка) 173
Сапрыкина И. А. Состав цветного металла предметов из Ананьинского могильника 194
Казарницкий А. А. Антропологическая экспертиза скелетных материалов из позднеантичного могильника Сувлу-Кая (Юго-Западный Крым) 203
Решетова И. К. Комплекс № 15 на Семилукском городище скифского времени: антропологическое исследование 219

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «УЧЕНЫЕ И ИДЕИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ» (МОСКВА, 2014 г.)

Детлова Е. В. Геро фон Мергарт и российское археологическое научное сообщество 1920-х гг. 229
Кузьминых С. В., Усачук А. Н. «Так много было о чем поговорить» (Кембриджская коллекция писем Н. Е. Макаренко Э. Х. Миннзу) 242

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 257
ОТ РЕДАКЦИИ 259

CONTENTS

FROM STONE TO IRON. PROBLEMS AND MATERIALS

Sergin V. Ya. Some details of the dwelling layout at Kostenki 2 7
Fedorchenko A. Yu. Experimental use-wear analysis of end-scrapers from late Ushki culture (Central Kamchatka) 16
Khomiakova O. A. Issues of social interpretation of the burials with Samland belts of the Roman period from the Dollkeim-Kovrovo culture region. 33
Rukavishnikova I. V., Gladchenkov A. A. Explorations of Arzhan-5 in the Turan-Uyuk depression 50
Gulyaev V. I. The motif of the bear in a sacrifice posture (full-faced) in the Scytho-Siberian animal style. 60
Suprenkov A. A., Stolyarenko P. G. Rural settlements of Classical Antiquity in the eastern part of Kerch (based on results of reconnaissance in 2014) 66

MIDDLE AGES AND NEW TIME

Oleynikov O. M. Excavations in the north-western part of the Nerevsky End of Medieval Novgorod in 2011 (Konyushenny-1 excavation trench) 77
Panova T. D. Excavations in Taynitsky Garden of the Moscow Kremlin and the history of archaeological research at Podol of the Borovitsky Hill in Moscow during XIX–XX centuries 92
Krenke N. A., Glazunova O. N., Ershov I. N., Oleynikov O. M. The stratigraphic excavation trench near the Podol of the Moscow Kremlin 107
Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Yu., Chudin A. V. Results of interdisciplinary studies of the Mangup hillfort and its vicinity in 2015 127
Vergazov R. R. The Persian paradise at Pasargadae: Distinctive features of the garden and park art in the Achaemenid Persian Empire in Iran 148
Osipov D. O. New attribution of the archaeological find from the State Historic Museum collection 158

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN STUDIES OF ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES AND PALAEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS

Zavyalov V. I., Terekhova N. N. The earliest artifacts from meteorite iron: Myths and reality. 163
Gak E. I., Kleshchenko A. A. Metal of the North Caucasus culture of the Trans-Kuban' region (chemical and technological assessment) 173
Saprykina I. A. Chemical composition of items made of non-ferrous metal from the Ananyino cemetery 194
Kazarnitsky A. A. Anthropological expertise of skeletal remains from the Suvlu-Kaya cemetery of Late Antiquity (South-Western Crimea). 203
Reshetova I. K. Complex No. 15 at the Semiluki fortified settlement of the Scythian epoch: Anthropological research 219

TRANSACTIONS OF THE CONFERENCE «RESEARCHERS AND IDEAS: HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL KNOWLEDGE» (MOSCOW, 2014)

Detlova E. V. Gero von Merhart and the Russian archaeological scientific community in the 1920-s 229
Kuz'minykh S. V., Usachuk A. N. «There was a lot to speak about»: Letters from N. Ye. Makarenko to E. H. Minns (Cambridge collection) 242

ABBREVIATIONS 257
SUBMISSION GUIDE 259

ОТ КАМНЯ К ЖЕЛЕЗУ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

В. Я. Сергин

НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ УСТРОЙСТВА ЖИЛИЩА КОСТЕНОК 2

Резюме. Жилище на поселении Костенок 2 было исследовано П. И. Борисковским в 1953 г. и опубликовано в 1963 г. Оно содержит значительные разрушения в результате недавней хозяйственной деятельности. В данной работе на основе архивных материалов устанавливается граница внутреннего пространства жилища, распределение в нем зольной массы и положение вкопанных костей. Погребальная камера являлась отдельной постройкой, не имевшей конструктивной связи с жилищем.

Ключевые слова: палеолит, культурный слой, кости мамонта, жилище, ограждение, погребальная камера.

Жилище Костенок 2 – одно из наиболее сложных сооружений своего типа и в наибольшей степени подвергшееся разрушению в результате современной хозяйственной деятельности. Оно было раскопано в 1953 г. и для своего времени, когда остатки жилищ и, наряду с ними, еще какие-нибудь объекты раскапывались за один сезон, довольно полно опубликовано (*Борисковский*, 1963). Но осталась неясной граница жилого пространства, и оно охарактеризовано очень кратко и без использования планов. В общем виде и также только словесно представлено распределение кремневого и костяного инвентаря. Дополнительного внимания требовал и вопрос о соотношении жилища и погребальной камеры. Для сбора информации по данным вопросам были использованы дневники (*Борисковский*, 1953а; 1953б; 1953в), полевые записи (*Ефименко*, 1923) и некоторые другие материалы. На июнь 2015 г. ни в архиве ИИМК, ни в компьютерной базе данных МАЭ не были найдены описи кремневых изделий и обработанной кости Костенок 2.

Скопление костей мамонта на месте жилища залегает в суглинке, местами слегка погружаясь в подстилающий желтый песок. В плане кости образуют разомкнутую в нескольких местах дугу окружности с тремя радиальными полосками костей. Кое-где обозначены современные хозяйственные ямы (рис. 1). При этом в северной части большие внутренние участки лишены крупных костей.

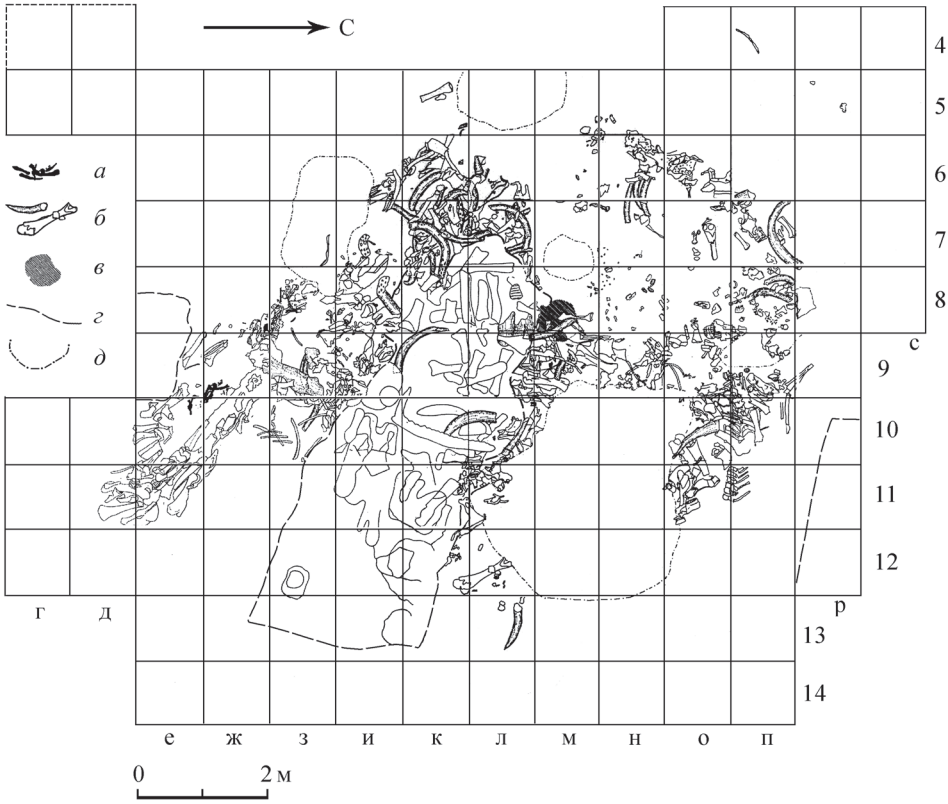

Рис. 1. Костенки 2. Остатки жилища

а – кости человека; *б* – кости мамонта; *в* – очаг; *г* – раскоп 1923 г.; *д* – современные хозяйственные ямы

Создается впечатление, что разрушения ограничивались пределами ям, а квадраты, содержащие единичные кости, были обеднены ими изначально. В действительности, на плане обозначены те ямы, которые полностью прорезали культурный слой. Указанные участки также подверглись разрушению, но до уровня низа костей и начала культурных остатков на полу. Выявить границы менее глубоких ям было бы сложно, поскольку западная часть скопления залегала в переходном горизонте современной почвы. Земляными работами было уничтожено ограждение жилища в западной части кв. Л, М-6 и частично соседних, а также на кв. П-9 и во внутренней части северо-западной четверти скопления. Судя по значительной концентрации костей возле разрушенных участков скопления, последние также могли содержать большое количество костей. Множество костей заполняло и траншею П. П. Ефименко 1923 г. Кости всех видов составляли в ней толщу до 40–60 см. Они отражены на плане беглыми условными контурами (рис. 1).

На полевых планах послевоенных раскопок (Костенки 2… № 99, 1953) скопление костей было зарисовано после полной его расчистки. Но вследствие

нагроможденности и значительной фрагментированности костей, нижележащие их части во многих случаях неразличимы, а кости, залегавшие ниже, не видны. По рисунку на синей миллиметровке трудно определить вид трубчатой или плоской кости. Однако имеются отдельные планы с изображением костей, залегавших в нижней части скопления или на полу (Костенки 2… № 100, 1953). Непосредственно на раскопках была составлена опись костей (*Громов*, 1953). Она содержит большие лакуны, но позволяет определить основную часть костей. Речь идет только о костях мамонта.

В рамках небольшой работы невозможно проследить размещение различных костей мамонта в пределах всего скопления. В связи с этим ограничимся попыткой выяснить границу ограждения жилища, отделяющую жилое пространство от внешних наземных конструкций. Основным репером при выполнении этой задачи на поселениях среднеднепровского типа служит положение черепов, крупных черепных костей и находящихся в линию с ними костей конечностей, плоских костей, иногда бивней и некоторых других костей, часто имеющих наклонное положение к середине скопления или вкопанных. С тыльной стороны к ним могут примыкать кости, усиливающие ограждение.

Наиболее четко внутренний край ограждения определяется на кв. М, О-6, где бивневыми альвеолами вниз вкопаны три черепа. Череп на кв. М, Н-5, 6 разрушен при земляных работах по альвеолы, но отдельные его фрагменты сохранились. Характер сохранности двух других черепов типичен для не потревоженных человеком остатков. Между этими черепами в наклонном положении находились крупная и небольшая части тазовой кости и бедренная кость. Об остальных черепах и черепных костях и их позиции приходится судить лишь по планам. Почти все они (или все), вероятно, лежали на древней поверхности. Это ослабляет их ориентирующую роль.

На кв. О-6 в северо-восточной части имелась вкопанная берцовая кость, к востоку от нее находилась лопатка, а к западу – неопределенные кости. В северо-восточной части кв. О-7 и в центре кв. П-7 встречены крупные тазовые кости. К первой из них с севера подходили лопатка и, должно быть, половина нижней челюсти. С южной стороны под тазовой костью лежала часть бивня или кость конечности. Севернее второй тазовой кости залегали бивень и берцовая кость, а к востоку, на кв. П-8, за черепными костями, – два бивня. Между бивнями и за ними, на кв. П-8, лежали фрагменты тазовых костей. Севернее этой группы костей на кв. Р-8 залегала половина тазовой кости. Она могла входить в ограждение, а положение небольших бивней указывает на то, что они были приложены к стене. Массивный изогнутый бивень с кв. П-7 не был пригоден для установки на основание и, должно быть, зафиксирован в том положении, в каком был помещен у края ограждения.

На кв. П-9, возле предполагаемой границы, находилась часть тазовой кости, а южнее ее – лопатка. В этом месте отмечена нижняя граница мешаного слоя, и кости могли быть смещены. Далее, на кв. О, П-9–11 сохранился массив костей, основу которого составляли длинные кости конечностей. С запада он начинался бивневой альвеолой с частью черепа. К ней плотно примыкали плечевая кость, неопределенная длинная кость и берцовая. Эти кости были вкопаны в пол и имели наклон к середине жилища под 45° и даже более. Непосредственно с запада

от них находились 7 сочлененных поясничных позвонков, а за ними – еще одна группа позвонков. В кв. О-10 за позвонками следовали: крупная плечевая кость, тонкий бивень, бедренная кость и, по-видимому, еще одна плечевая или бедренная кость, числящаяся в описи как бивень.

С внешней стороны ограждения в средней части кв. П-10 залегала плечевая кость, из-под которой к югу отходили небольшая берцовая кость и фрагмент плоской кости. К юго-западу от них с линией ограждения были связаны еще одна маленькая берцовая кость, крупная плечевая и, по-видимому, тазовая кость. Трубчатые кости были ориентированы к центру жилища. К черепной кости в юго-восточном углу кв. О-10 с кв. О-11 подходили бедренная и берцовая кости. С востока от них имелась тазовая кость, неопределенные кости и часть нижней челюсти. На северной границе кв. О-11 лежала группа сохранивших взаимосвязь позвонков. У половины костей конечностей на описанных квадратах были вскрыты диафизы обращенных вверх концов. Кроме указанных вкопанных костей некоторые другие кости также могли быть вкопанными. Отсутствие фиксации мест вкапывания костей не дает возможности точнее провести здесь границу интерьера.

На кв. К, Л-11 имелись два фрагмента разбитого черепа и три кости конечностей. Две кости – обе локтевые – упомянуты в описи. Они вкопаны, что позволяет наметить по ним и в некоторой мере по частям черепа место прохождения здесь края жилого пространства. На плане раскопа 1923 г. (кв. И-10, 11) имеется обозначение с подписью: «Часть черепа с труб. бив.?» Контур кости неясен. Она несколько отстоит от намечаемой линии и не учтена при ее проведении. Западнее, на кв. И-9, 10 находится череп, южная часть которого не видна на плане под изображением других костей. Череп, по-видимому, обращен затылочной частью к северо-востоку. Правомерность проведения по нему границы ограждения подкрепляется наличием в раскопе 1923 г. группы нижних челюстей, залегавших здесь полосой с юго-запада на северо-восток на протяжении около 2 м (*Ефименко*, 1923. Л. 29). Южнее черепа нет костей, которые могли бы указывать на иной вариант прохождении границы. Рядом с черепом лежали его обломки, а северо-западнее – нижнечелюстные кости и крупная часть черепа. В юго-западной четверти скопления костей границу проследить невозможно ввиду того, что на сохранившемся участке ее признаки скрыты под завалом костей. Завершая рассмотрение краевой части скопления костей, отметим, что точки, по которым проведена приблизительная граница ограждения, достаточно четко координируются. Это позволяет считать, что отклонение ориентировочной границы от реальной невелико.

С разных сторон от жилища культурные остатки представляли собой тонкие пятна золы и мелкого угля с единичными крупными костями. Значительное скопление кремневых изделий, костей животных и углистой массы наблюдалось только к юго-востоку от жилища, на раскопе С. Н. Замятнина. В эту сторону, к низу склона, мог быть обращен вход в жилище. Возможно, с его наличием и обустройством связано распространение некоторых крупных костей далее от центра скопления. П. И. Борисковский полагал, что кости сползли по склону в период захоронения жилища в результате размывов (*Борисковский*, 1963. С. 15, 16).

Заметим, что северо-восточный и юго-восточный края скопления находились в одинаковых условиях склона, но северо-восточный край вписывается в округлый контур скопления. Кости юго-восточного края погребальной камеры также не растащены, хотя они подвергались прямому действию склонового смыва, тогда как кости юго-восточного края скопления находились в его «тени», будучи защищены массой других костей. Воды, проникавшие сквозь нее, на раскопе 1923 г. оставили местами лишь темноокрашенные прослойки вымытого тут же материала с мелкими пережженными косточками, угольками, вкраплениями охры и редкими кремнями (*Ефименко*, 1923. Л. 29). Они не в состоянии были нарушить взаимоположение крупных костей. В. И. Громов и А. И. Москвитин, присутствовавшие на раскопках, отметили в песке следы мерзлотных явлений, но возможность сползания костей и нижележащего песчаного слоя исключали (*Борисковский*, 1963. С. 22).

Культурные остатки, не относящиеся к конструкциям, залегали в песке. Его поверхность была очень неровной. Вырытые в нем ямки плохо сохранялись, и их наличие лишь предполагалось. Наиболее надежно установлено присутствие ямки на кв. О-7. Сверху в ней лежал обломок костяного острия или наконечника, а под ним группа костей песца и три кремня, включая резец. В небольшом углублении в центре жилища располагался неправильно-округлый очаг диаметром около 65 см. В заполнявшем его черном зольном слое мощностью около 10 см встречены частично и полностью перегоревшие кости, часть белемнита и сферосидерита. Кремневые изделия из очага в подавляющем большинстве не имели следов действия огня, а его днище не было обожжено. Возле очага отдельные участки культурного слоя имели более темную окраску (рис. 2). Насыщенную углистую полоску на кв. И-Л, 10 П. П. Ефименко называл «очажком». На остальной площади золистые пятна и прослойки, окрашенные золой и углем в серый цвет, были толщиной 1–2 см. Охра почти отсутствовала.

В целом культурный слой на полу жилища имел мощность до 10 см. Он содержал кости животных мельче мамонта: лошади, северного оленя, песца, лисицы, пещерного льва, зайца, а также щуки. Кремневых изделий было относительно немного (во всем раскопе 1953 г. и траншее и шурфах 1923 г. собрано около 2 800 экз.). Отсутствие описей лишает возможности сопоставления размещения кремня и обработанной кости внутри и вне жилища. В жилище имелись вкопанные в пол кости. Бедренная кость была вкопана вблизи стены, на кв. О-7, круто наклонная крупная кость конечности и рядом с ней фрагмент кости были вкопаны на кв. О-8, 9. Назначение этих костей неясно. К северу от них лежал перевернутый череп мамонта с сохранившимися зубами. К востоку от него находились обожженные обломки черепа. Подобные не связанные с конструкцией жилища черепа иногда встречаются и на других поселениях. И. Г. Пидопличко называл их «подвижными» черепами и предполагал, что они служили сидениями (*Пидопличко*, 1976. С. 125). Но эти черепа не были обычной принадлежностью жилищ. Люди приспосабливались сидеть на полу, а «подвижные» черепа использовались скорее в качестве подставок разного назначения.

Часто фиксируемой особенностью поселений среднеднепровского типа является наличие хозяйственных ям вокруг жилищ. Они обнаружены и в Костенках 11, 1а (*Рогачев, Попов*, 1982). По набору костей в конструкции показатель

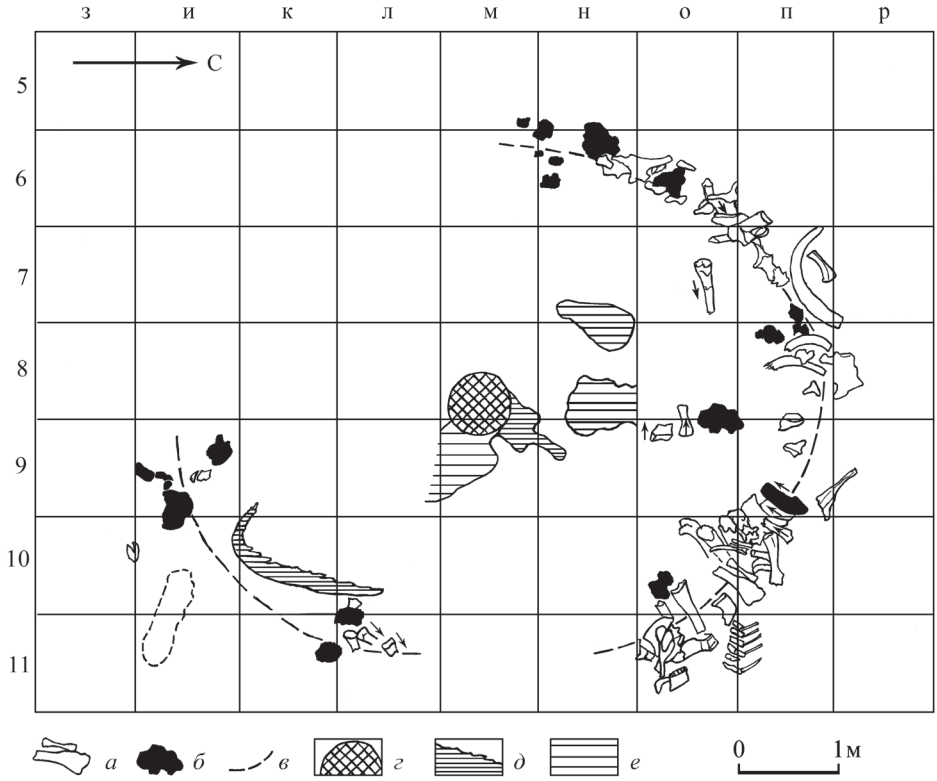

Рис. 2. Костенки 2. Внутреннее пространство жилища

а – кости мамонта (со стрелкой – вкопанные); *б* – черепные кости мамонта; *в* – приблизительная граница жилого пространства; *г* – очаг; *д* – интенсивный золистый слой; *е* – более тонкий золистый слой

сходства жилищ Костенок 2 и Костенок 11, 1а выше среднего по всей группе (*Сергин*, 2011. Таб. 5). Однако построение жилищно-хозяйственных комплексов на этих поселениях, видимо, значительно различалось. Древних хозяйственных ям в Костенках 2 не встретилось, хотя пространство, раскопанное вокруг жилища, достаточно велико, чтобы они были обнаружены, если имелись.

В южной части раскопа находилась погребальная камера. П. И. Борисковский считал ее пристроенной к жилищу и, возможно, имевшей с ним общую часть стены (*Борисковский*, 1963. С. 55, 58). Указывая на череп, занимающий перекрестье кв. Ж, З-8, 9, он писал: «Замыкая погребальную камеру, череп мамонта, вместе с тем, подобно остаткам человеческого черепа, находился на территории жилища, связывая последнее с погребальной камерой (Там же. С. 53). В соответствии с этим получалось, что череп и несколько других костей человека, обнаруженных далее к СЗ, лежали внутри жилища, а остальные посткраниальные кости – в камере. Принадлежность участка с черепом и другими костями человека возле него к жилищу подкреплялась тем, что на кв. З, И-8;

З-9 наблюдался темный углистый слой, насыщенный находками. Здесь встречены наиболее ценные костяные изделия: фигурка человека, орнаментированная пластинка и 2 шила. Все они, кроме пластинки, обнаружены вблизи костей человека. Отдельные части черепа мамонта были обожжены до обугливания. Кости человека лежали в небольшом углублении вытянутых неровных очертаний, которое было выявлено при расчистке углистого пятна на кв. З-8. Рядом в том же квадрате лежала группа костей стопы мамонта, сохранивших анатомическую связь.

Погребальная камера не касалась ограждения жилища. На кв. З-9 она близко подходила к нему, и кости заполняли промежуток между объектами. Крупная часть большого расплющенного бивня налегала своими концами на край ограждения жилища и край черепа погребальной камеры. Череп мамонта, замыкавший камеру, еще дальше отстоял от ограждения жилища.

Соответствие малочисленности обломков костей и кремневых изделий в погребальной камере концентрации их на окружающем пространстве означает, что камера сооружалась на обжитом месте. Имевшийся у ее края участок активной деятельности был единственным возле жилища. Вокруг него, как отмечено, наблюдались лишь малочисленные кремни и обломки костей, иногда крупные кости, тонкие зольные пятна. Особенности участка активной деятельности, состав находок и приуроченность его к стене погребальной камеры свидетельствуют о вероятном использовании участка для ритуальных действий. Сложнее интерпретировать частичное растаскивание костей погребенного животными (*Борисковский*, 1963. С. 57, 58). Объясняется ли оно тем, что к зафиксированному моменту поселение было оставлено или индифферентным отношением людей к происходившему после выполнения ритуальных обязанностей?

В заключение отметим, что внутреннее пространство жилища Костенок 2 имело овальную форму с размерами около 6,5×5,2 м. Его ограждение включало черепа и обломки черепов мамонта и много вкопанных костей. Вкопанные кости обнаружены и внутри жилища. На всей площади пола распространялись золистые пятна, наиболее мощные из которых по преимуществу окружали очаг. Вход в жилище, вероятно, находился с восточной стороны, скорее с юго-востока. Погребальная камера являлась конструктивно автономным сооружением.

ЛИТЕРАТУРА

Борисковский П. И., 1953а. Дневник раскопок палеолитических стоянок Костенки 2, 17, Аносовка в Покровском логу // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 82.

Борисковский П. И., 1953б. Дневник Костенковской палеолитической экспедиции 1953 г. // Архив ИИМК Ф. 35. Оп. 1. № 95.

Борисковский П. И., 1953в. Костенки II. Скопление костей раскопа I //Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 97.

Борисковский П. И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.; Л: АН СССР. 229 с. (МИА; № 121).

Громов В. И., 1953. Костенки II. Определение костей // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 96.

Ефименко П. П., 1923. Палеолитическая стоянка в Костенках, в устье Аносова лога (Костенки II) // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 77.

Костенки 2, чертежи за 1953 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. № 99.

Костенки 2, чертежи за 1953 г. // Архив ИИМК. Ф. 35. № 100.

Пидопличко И. Г., 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наукова думка. 238 с.
Рогачев А. Н., Попов В. В., 1982. Костенки 11 (Аносовка 2) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Под ред. Н. Д. Праслова. Л.: Наука. С. 116–132.
Сергин В. Я., 2011. Сопоставление жилищ поселений среднеднепровского типа по костным остаткам // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Х. А. Амирханова. М.: Таус. М. ИА РАН. С. 310–320.

Сведения об авторе

Сергин Виктор Яковлевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: viktorsergin@list.ru

V. Ya. Sergin

SOME DETAILS OF THE DWELLING LAYOUT AT KOSTENKI 2

Abstract. The dwelling at Kostenki 2 was explored by P. I. Boriskovsky in 1953 and published in 1963. The dwelling lies in ruins because of recent economic activities. Relying on archival materials, this paper establishes the boundaries of the habitation area inside the dwelling, the spatial distribution of the ash matter in the dwelling and the location of bones embedded in the soil. The burial chamber was a separate structure not attached to the dwelling.

Keywords: Palaeolithic, occupation horizon, mammoth bones, dwellings, fencing, burial chamber.

REFERECES

Boriskovskiy P. I., 1953a. Dnevnik Kostenkovskoy paleoliticheskoy ekspeditsii 1953 goda [Kostenki Palaeolithic expedition diary for 1953]. *Archive of IIMK RAN.* (In Russian, unpublished).
Boriskovskiy P. I., 1953b. Dnevnik raskopok paleoliticheskikh stoyanok Kostenki 2, 17, Anosovka v Pokrovskom logu [Diary for excavations of Palaeolithic stations Kostenki 2, 17, Anosovka in Pokrovskiy ravine]. *Archive of IIMK RAN.* (In Russian, unpublished).
Boriskovskiy P. I., 1953c. Kostenki II. Skoplenie kostey raskopa I [Kostenki II. Accumulation of bones in excavation trench I]. *Archive of IIMK RAN.* (In Russian, unpublished).
Boriskovskiy P. I., 1963. Ocherki po paleolitu basseyna Dona. Maloizuchennye poseleniya drevnego kamennogo veka v Kostenkakh [Essays on Palaeolithic of Don basin. Insufficiently studied settlements of Early Stone Age in Kostenki]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 229 p. (MIA, 121).
Efimenko P. P., 1923. Paleoliticheskaya stoyanka v Kostenkakh, v ust'e Anosova loga (Kostenki II) [Palaeolithic station in Kostenki, in Anosov ravine mouth (Kostenki II)]. *Archive of IIMK RAN.* (In Russian, unpublished).
Gromov V. I., 1953. Kostenki II. Opredelenie kostey [Kostenki II. Determination of bones]. *Archive of IIMK RAN.* (In Russian, unpublished).
Kostenki 2, chertezhi za 1953 [Kostenki 2, drawings for 1953]. *Arkhiv IIMK RAN.* (In Russian, unpublished).
Pidoplichko I. G., 1976. Mezhirichskie zhilishcha iz kostey mamonta [Mezhirichi dwellings of mammoth bones]. Kiev: Naukova dumka. 238 p.
Rogachev A. N., Popov V. V., 1982. Kostenki 11 (Anosovka 2). *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo rayona na Donu, 1879–1979. Nekotorye itogi polevykh issledovaniy [Palaeolithic of Kostenki-*

Borshevo region on the Don, 1879–1979. Some results of field researches]. N. D. Praslov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 116–132.

Sergin V. Ya., Sopostavlenie zhilishch poseleniy srednedneprovskogo tipa po kostnym ostatkam [Comparation of dwellings at Middle Dnieper-type settlements based on bone remains]. *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy [Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe]*. Moscow: IA RAN, pp. 310–320.

About the author

Sergin Viktor Ya., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: viktorsergin@list.ru